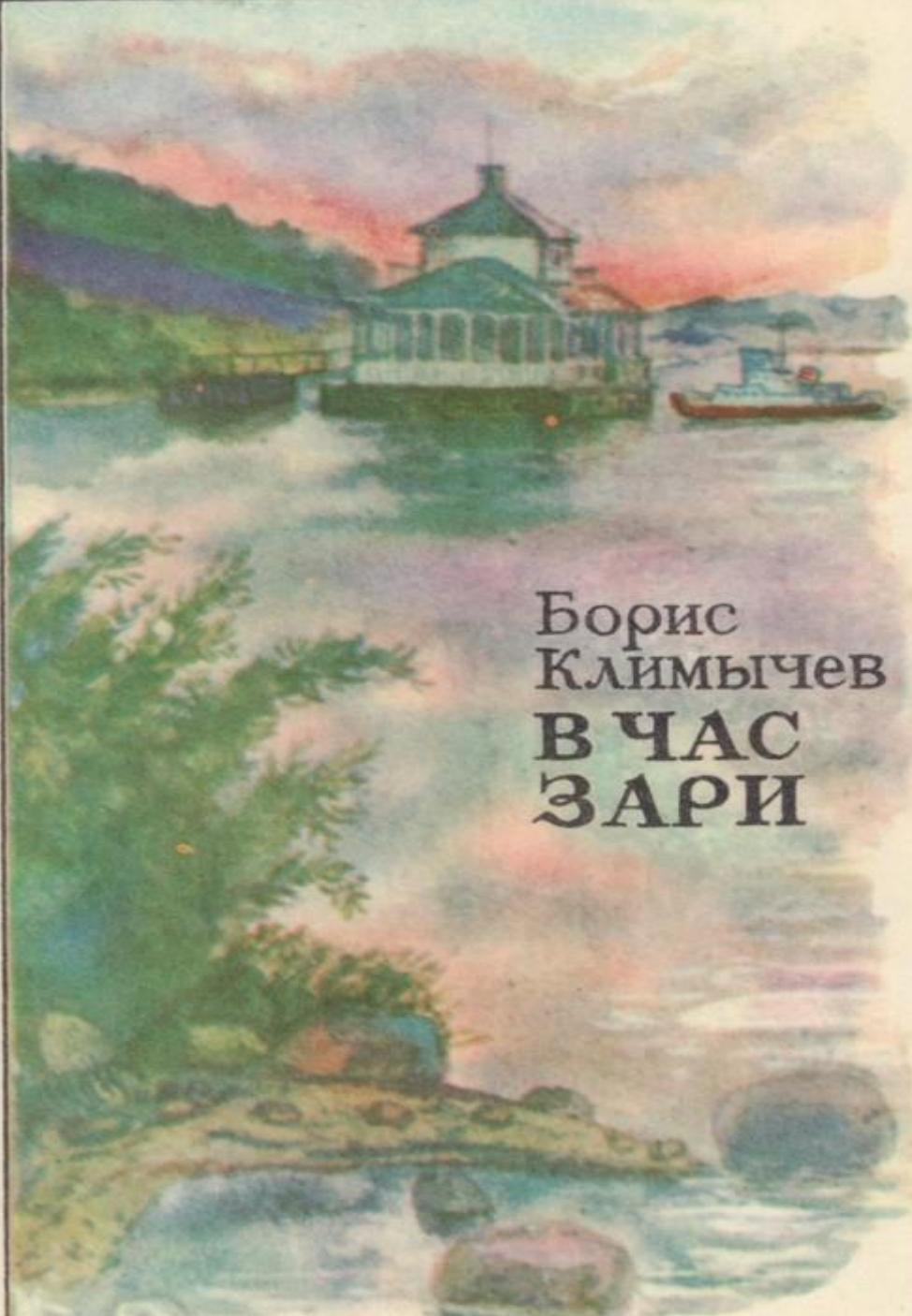

СОВРЕМЕННИК

Р2
и ч 9

Борис
Климыхев
**В ЧАС
ЗАРИ**

P2
К49

Климычев Б. Н.

В час зари: Стихи. — М.: Современник, 1980. — 112 с.— (Новинки «Современника»).

В книгу вошли стихи о военном детстве, о романтике дальних дорог, о встречах с людьми и природой. Стремлением лирического героя увидеть в малом большое, разглядеть красоту в вещах обыденных, будничных — отличаются лучшие стихи сборника.

К 70402 — 258
M106(03) — 80

153 — 80

4702010200

ББК84.

P7

P2

Томская областная
детская библиотека
ИНВ. № 156256

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННИК». 1980 г.

81

Во время поездки по Томской области после вечера в клубе леспромхоза города Асино ко мне подошел один из слушателей и сказал, что и у них есть свой поэт. Я попросил познакомить меня с ним. Оказалось, что это — Борис Климычев. По своей застенчивости он даже постеснялся подойти к участникам литературного вечера. Пишу об этом не ради красного словца. Мне думается, что только из-за скромности он и печатался редко, а потому мало известен читателям и критикам.

Между тем, на мой взгляд, мы имеем дело с одаренным, по-настоящему добродушным и честно работающим поэтом, причем поэтом уже сложившимся.

Я знаю, что Климычев прожил большую и нелегкую жизнь. Когда ему было двенадцать лет, погиб на фронте отец. В то же время началась и его самостоятельная трудовая жизнь. Был он и буровиком, и часовщиком, и клубным работником. Служил в Советской Армии, участвовал в восстановлении после землетрясения Ашхабада, работал в районных газетах Томской области. Биография поэта вошла в его стихи. Она подсказала ему многие сюжеты, житейские подробности, которые и делают его строки конкретными, зримыми, достоверными.

Да, человек, не хлебнувший горя в детстве, едва ли написал бы при всех способностях такие стихи, как «Венера», «Девочка с книгой», «Я эту песню слышал в раннем детстве...»

Вот стихотворение «Венера».

Вся обстановка, все детали здесь воссоздают то время, то состояние подростка, оставшегося без родителей, — все, как было. И конечно же не последнюю роль играет здесь улыбка, легкая ирония уже взрослого человека. Рядом с «Венерой» стоит стихотворение «Девочка с книгой», которое раскрывает великую силу поэзии, облагораживающей сердца. Сюжет относится к

военному времени. Мальчишка стоит в очереди за хлебом и злится на девочку, которая читает книгу и «улыбается, как дура», «свитает в облаках»:

Что может быть сейчас важнее пищи?..
И вдруг девчонка стала в тишине
Читать нам Блока.
Жертвенней и чище
Стихов не приходилось слышать мне.
Все так же было грязно-серым небо,
Дралось за крошку хлеба воробье.
Я не забыл, что я стою за хлебом, —
Забыл ожесточение свое.

Стихов о военном детстве написано великое множество, но Б. Климычев не повторяет их — у него свои сюжеты, свое решение темы, потому что опирается он на свою биографию, на свои переживания и наблюдения.

Этим же следует объяснить и его удачу в стихах о Севере и о Туркмении. Необходимо отметить здесь, как точно и тонко поэт чувствует своеобразие Севера и южный колорит. В красках, в словаре, даже в ритме его стихов и север, и юг представлены каждый по-своему. Поэт, проработавший много лет в небольшой газете (*«Самый северный редактор»*), много поездил, многое повидал, и это наложило неповторимый отпечаток на его стихи.

Стихи Б. Климычева живописны, пластичны, и все же, на мой взгляд, наивысшее достоинство их в том внутреннем свете, который они несут читателю, — в отзывчивости, в доброте, в подлинности переживаний...

Лучшие из них говорят о нем как о сложившемся, интересном поэте, идущем к читателю своей тропой.

Николай Старшинов

Экзамен

Ни выпускного бала и ни вальса.
Кормильцем стал, слегла в больницу мать.
А после, как совсем один остался,
Поехал вдаль — умишка занимать.
Пусть лихорадка обметала губы,
И пусть я серый был и пыльный весь,
Но пели паровозные мне трубы
О чистоте души бессмертной песнь.
Дешевую мусоля папиросу,
Грамматику учил я на заре:
Был столб фонарный, словно знак вопроса,
Шлагбаумы тянулись, как тире.
И гром гремел, как Маяковский, гулко,
И старый сад нашептывал, как Блок.
В глухи пристанционного проулка
Не написать я первых строк не мог.
И вспоминая светлый образ мамин,
Тетрадный лист я пополам сгибал,
И клялся сдать когда-нибудь экзамен,
Хоть безнадежно опоздал на бал.

Утром дятел стукнул под окошком,
Сбив снежок с приземистой сосны.
И тогда очнулась вдруг гармошка,
В сундуке дремавшая с весны.
В бор она пошла тропинкой хрусткой
И, ничуть мороза не боясь,
Так рванула переборы «русской»,
Что снежинки все пустились в пляс!
Повалил народ со всех усадеб —
Летний зной упрятан в закрома,
Время песен и куражных свадеб —
Буйная сибирская зима!
Эх, гармонь да сапоги гармошкой,
Меховая шапка набекрень!
Кто не выйдет — выхлестнем окошко,
Вот какой у нас сегодня день!

Венера

До костей я продрог. За киосками вскоре
Я окурок нашел. Раздобыл и огня.
«Что ты сделал для фронта?!» — плакат на заборе
Тыкал пальцем огромнейшим прямо в меня.
Что я сделал для фронта? Мне было двенадцать.
В кочегарке под домом я спал у котла.
В полшестого велел кочегар выметаться,
А весна по-сибирски колючей была.
Покурил и к картинной побрел галерее.
Там бесплатно пускают, но есть там старик:
Если ноги в грязи, он — ругаться скорее,
Поднимает зазря он отчаянный крик.
Ну и пусты! Но зато там картина такая:
Возле моря по склонам взбегают сады,
И лежит под деревьями тетка нагая,
А над ней золотистые зреют плоды.
Я на тетку на эту смотрел без подвоха,
Я об этом не очень-то думал тогда.
Просто сильно устал, просто было мне плохо
И хотелось шагнуть прямо в раму, туда.
Я плодов бы наелся, помылся бы в море,
Попросил бы у тетки рублевку взаймы,
Табаку бы купил и зажил бы без горя
На холмах, где вовек не бывает зимы.

На речке в зябкой быстрине
Большой валун дрожит на дне,
И, замерев, из-под руки
Отец глядит на поплавки.
Но как поймает пескаря,
То говорит:
— Загубим зря,
Уж лучше отпустить пока...

И — бросит в воду, сняв с крючка.

С тех пор промчалось много лет,
Давно отца на свете нет.
Иду я к речке в час зари:
Плынут отцовы пескари.

Березки на бугре, проталины в оврагах,
Подрагивая, ввысь бежит от них парок.
Я, может быть, поэт, да я не при бумагах,
Я просто к вам приду, присяду на порог.
Помятый «Беломор» я отыщу в кармане,
И голубой дымок в колечко я завью,
Про тихий свет берез соседской тете Мане
Под семиструнный звон на кухне я спою.
За рифмы укорять она меня не станет,
Но, голову склонив, тихонько подпоет,
Тяжелый лапушок из подпола достанет,
И кружки оботрет, и доверху нальет.
Я ей еще спою с волненьем и азартом,
С надрывом, как цыган, чтоб в голосе — слеза,
Чтоб из ее морщин давно забытым мартом
Вдруг просияли мне счастливые глаза.

Речной трамвай

Речной трамвай бежал вторые сутки,
Он приставал к лесистым берегам,
Снимал с причалов говор, смех и шутки,
И в трюмах поднимались шум и гам.
А на корме, в фуфайке, в теплой шали
Сидела тихо женщина одна.

— Вы в Карагасок? —

Рукой махнула:

— Дале! —

О чём молчала долго так она?
Вертела бусы тонкими руками.
Я видел в свете призрачной луны
Её глаза недвижные, как камни,
А под винтом вскипали буруны.
Наутро, на неведомом причале
Она по сходням на берег сошла,
И было слышно — бусы застучали,
Случайно, что ли, нитку порвала?
Неторопливо грузчики таскали
Тяжелые корзины и мешки,
А на холме, за кедрами мелькали,
Как порванные бусы, огоньки.

Опять ведет меня дорога
В искрящийся морозный день,
К избушке той, где у порога
Свернулась лайка, как пельмень.
Я знаю: лайка не залает,
Скучая во дворе пустом,
Она лежит и чуть виляет
В колечко согнутым хвостом.
В избе не слышится ни звука,
Раскрыта дверь, настыла печь.
Хозяин в Томск уехал к внукам,
И здесь ей нечего стеречь.
А ей все чудится, что вот он:
Печь растопил и пьет рассол,
И пахнет табаком и потом,
И на полу лежит мосол.
Как объяснить ей, что не мог он
Ее с собою взять туда,
Где батареи возле окон,
Паркет, горячая вода.
Она ему не изменила,
Все ждет его который день.
Промерзли стены, печь настыла.
Свернулась лайка, как пельмень.

*

Дед в огороде хлопочет,
У деда колет в боку.
Лука в сельпо сколько хочешь,
Все луковицы по кулаку.
А дед склонился над грядкой,
Сердито под нос ворча:
— Сельсовский-то лук-от сладкий,
На ча привозной, на ча?
Там у их на Кавказе
Веник воткни — растет,
Климант такой там рази? —
Солнышко круглый год...

Пусть деду все лето мука:
Знай, удобряй, поли, —
Хочется крепкого лука
С горькой своей земли.

*

Забиты досками домишки,
Зарос травой колесный след.
Здесь, как орех последний в шишке,
Сидел на лавке сивый дед.
В его тетрадке — зарисовки,
В ней по лугам брели стада,
Несли колхозники литовки,
Ругались бабы у пруда,
В ней угольком калина рдела...
Ему сказал я:
— Дед, а дед,
Ты свез бы в город это дело...
— На чо мне? — он сказал в ответ.—
Была война. Неурожай.
Бывали прочие дела.
А там и старость подошла.
Я для себя изображаю... —
Молчали. Плакала кукушка
И чьей-то жизни счет вела.
Подслеповатая избушка
С листа тетрадного сошла.
Безбожно пестрая буренка
Паслась на тихом пустыре.
И тонкой кисточкой сосенка
Сгорала, как в печи, в заре.

Девочка с книгой

Я помню, как завидовал я птицам,
Порхавшим возле хлебного ларька.
Ведь птица может крохой прокормиться,
Летящей каплей дождевой напиться,
Очередей не зная и пайка.

А мы весь день
Под серым зимним небом
Там хлеба ждали и войну кляли,
И облака, как караван хлеба,
Дымились над Степановкой вдали.
И было странно в очереди хмурой
Девчонку видеть с книгою в руках.

Мы злились:
— Улыбается, как дура!
В каких она витает облаках?!
Что может быть сейчас важнее пищи?!

— И вдруг девчонка стала в тишине
Читать нам Блока.
Жертвенней и чище
Стихов не приходилось слышать мне.
Все так же было грязно-серым небо,
Дралось за крошку хлеба воробье.
Я не забыл, что я стою за хлебом,
Забыл ожесточение свое.

*

Я бросил в ведерко последние горсти
И с ягодой брел без тропинок, лесами.
И в сумерках встали кресты на погосте,
Как мачты со снятыми парусами.
Средь прочих надгробий — звезда обелиска:
Цемент облупился, потрескались камни,
Звезда жестяная мерцала так близко,
Что запросто мог бы потрогать руками.
А ветер сквозь заросли рвался, стеная,
Как будто он плакал о том человеке.
И звезды зажглись. И звезда жестяная
Средь них затерялась. Возможно — навеки.

*

Помню прошлой весной наподобие Ноя
Я в ковчеге дощанике плыл сквозь кусты.
Зацветала вода. Было нечто хмельное
В тальниках, наглотавшихся вешней воды.
Без я в старом дощанике, как в колыбели,
Всякой твари по паре: любовь и беду,
Сквозь разрывы листвы небеса голубели
И тальник горькой влагой кропил на ходу.
Я решил, что причаливать вовсе не буду
К этой грешной земле ни за что, никогда,
Только буду я плыть, неизвестно откуда,
Неизвестно зачем, неизвестно куда.
Без любви и беды на земле было б проще.
Но когда я проснулся, очнулся когда,
На мели был дощаник, аукались в роще
Неразумные сестры — любовь и беда.

Телогрейка...
 Тело грей-ка!
 Грела. В стуже и в пурге.
 На вокзальных на скамейках,
 И в окопах, и в тайге.
 Матерьял дешевый, вата.
 Вдоль — корявые стежки.
 Наши парни и девчата
 В телогрейках шли, легки.
 Драпы? Сукна? Это дело!
 Телогрейку помни все ж:
 В трудный год Россию грела,
 Аж врага бросало в дрожь!

Томская областная
 детская библиотека
 инв. № 156256

Усть-Шиш

Стая рубленых изб да чайная,
Вместе — это село Усть-Шиш.
Здесь подледной воды журчание
Ты услышишь в ночную тишину.
Ах, как сердце в груди колотится!
Как медлительно кружит снег!
Как тоскуют плетни с колодцами,
Что не слышен в ночи твой смех!

Помню бражку на жженом сахаре,
Помню — в горенке каждый раз
Половицы от счастья ахали,
Как по ним ты пускалась в пляс.
А теперь и следы за речкою
Замело. Хоть плачь, хоть кричи.
Проводами, словно уздачками,
Тракт Московский звенит в ночи.
Искры медленно трепыхаются
Над трубою твоей избы,
Да по тракту бегут, задыхаются,
По колена в снегу столбы.

Так скажи, Усть-Шиш,
В чем же промахи?
Что по-злому я ревновал?
То ли мало цветов черемухи
Той весной у реки нарвал?

Но Усть-Шиш не ответит.

Медная

**К проводам примерзла луна,
Да сугробы стоят медведями,
Да звенит в ушах тишина.**

*

С огромной рыжей бородой
И кулаки — пудовые,
И запивает не водой
Он пироги подовые.
Весь жаром дышит, словно печь,
И говорит такую речь:
— Девчоночки, девчоночки,
Вы — с бражкою боченочки!
А бражка эта, ой, хмельна!
К ней сами губы тянутся,
Да только жалко, что она
Дуракам достанется.
Ведь мало даже кончить вуз,
Чтоб понимать в ней толк и вкус...

Кипит старуха:
— Старый хрыч!
Ну что ты распинаешься?
Под шестьдесят тебе, Кузмич,
А все ты дурью маешься...

Смеется он:
— Винюсь, винюсь,
От беса не отвяжешься.
Беда! — Чем старше становлюсь,
Тем краше девки кажутся!

Окно

Есть в памяти моей одно окно,
В которое увидел мир впервые.
Годами было в том окне темно,
Но вдруг предстали снова, как живые:
Заснеженный пригорок, сосняки,
Мужик в санях в овчинном полушубке
И пар над прорубями у реки,
Как будто черти закурили трубки.
И я, оставив сверстников гурьбу,
Стою один в раздумье на крылечке:
Садится солнце прямо к нам в трубу
Затем, чтоб за ночь раскалиться в печке!

*

Она по мостику над речкой —
Бегом, бегом, бегом, бегом.
Тихонько скрипнуло крылечко,
И дверь ее впустила в дом.
Ей мать глядит в глаза тревожно:
— Да что же, донечка, с тобой?
Пылают щеки невозможноПылают щеки невозможноР
И вон — припухло над губой.
— Ах, мама! Это — от мороза,
Когда я шла средь кедрача,
Щипал, щипал, аж выжал слезы,
Тут задала я стрекача!
— А ты б не шастала за речку,
Ни зги в буране не видать.
Пойдем-ка, доня, спать на печку,
На печке ноне благодать...

И дом, укрытый снежной шалью,
Кряхтел и вздрагивал в ночи,
И как-то жалобно трещали
На речке лед и кедрачи,
У окон что-то шелестело
И в ставень стукало всю ночь.
И мать ресниц сомкнуть не смела,
И жарким сном забылась дочь.

*

На задах в огороде избушка.
Там, бывало, свистят два щегла.
Антиподьевной звали старушку,
Что в избушке той дряхлой жила.
Не любила она перебранок
И вина никогда не пила,
Просыпалась всегда спозаранок —
Антиподом соседок была.
Молоко от козы раздавала,
Ни с кого не брала ни гроша,
А ходила сама в чем попало,
Не поймешь, в чем держалась душа.
Для больных угощенья варила,
Даром нянчила всех пацанят,
Сказки славные нам говорила,
До сих пор они в сердце звенят.
В них царевичи жили Иваны,
В них пылало жар-птицы перо.
Обязательно, поздно иль рано,
Побеждало в тех сказках добро.

На задах в огороде избушка.
Развалилась давно и сгнила.
Двадцать лет — как скончалась старушка,
Свои сказки с собой унесла.
Ах, как жаль, что не все мы умеем
Раздавать и тепло и привет.
Был Горынычем я, был Кащеем,

**А Иваном-царевичем — нет.
Иолжизни промчалось без толка,
И собраться никак не могу,
Чтобы прыгнуть на серого волка
И с царевной помчать сквозь тайгу.**

Реал¹

Однажды мы лежали в клубе с ним
На двух тулупах возле карты мира.
Реал ногами упирался в Рим,
А я куда-то в море, близ Алжира.
За стайкой кто-то косу отбивал,
Коты на чердаке дрались в азарте.
— Я, знаешь, дальше Омска не бывал, —
Сказал Реал, приглядываясь к карте.
Все говорят, что я тут нужен им,
Я на гармошке в праздники играю,
А привезут раз в месяц новый фильм,
Так после содержанье разъясняю.
Порой в ушах колеса застучат,
Мечта поет серебряной трубою,
Но вижу вдруг глаза односельчан
И этот дом, где мы лежим с тобою...

Он стал курить, со смаком, не спеша,
В окошки медоцветом пахло с луга.
У синего бродяги Иртыша
Просила пить полночная пичуга.
Протянет: «Пи-ить!» и вроде смолкнет, но
Через минуту вновь свистит печально.
Реал вздохнул. Все было, как в кино, —
Волнующе до слез и нереально.

¹ Реал — татарское имя.

Половодье

Костры на льдинах в полночь разжигали,
Такой костер на речке — что звезда.
А утром встали, сразу увидали,
Как близко к избам подошла вода.
И кто-то дико закричал спросонок,
Тут поднялась такая кутерьма! —
Тащили скарб, картошку и буренок
На чердаки, на бани, на дома.
Пошло, поперло — в подполы, в окошки,
Молились бабки в страхе и в тоске,
А рыжий Фрол, рванув мехи гармошки,
Поплыл среди деревни в обласке.
С ним рядом плыли бревна да заборы,
Водоворот в проулке бушевал,
А Фрол играл себе «Златые горы»,
Сквозь зубы лихо на воду плевал.
Все возмущались:
— Вот сдуруел вихрастый! —
Но каждый вроде что-то вдруг обрел.

За жизнь менятопило слишком часто
И всякий раз мне вспоминался Фрол.

*

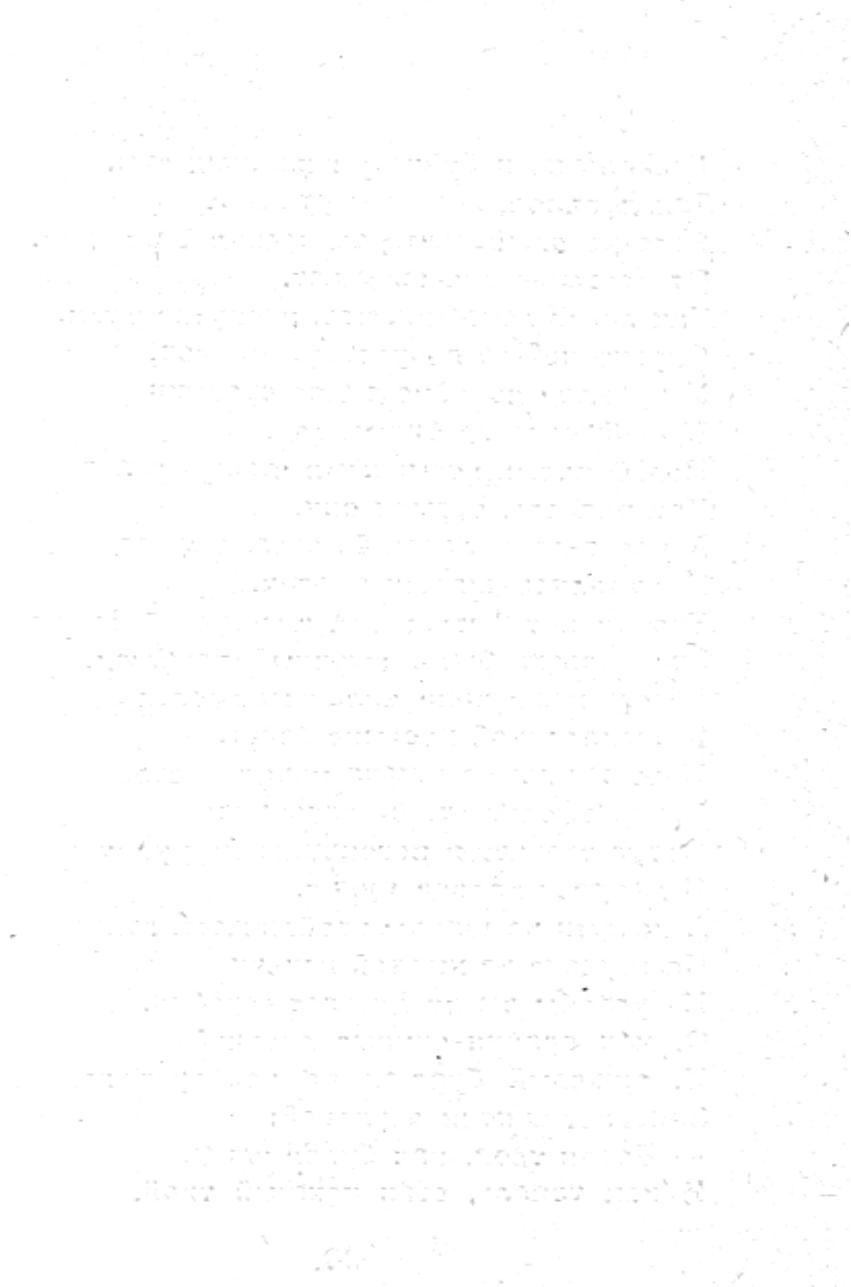
Морозец первый. Осетров закладывают
В поленницы, то вверх, то — в самый низ.
Зимой дрова берешь и вдруг порадуешь
Такой вот замороженный сюрприз.
Так хорошо тогда при свете месяца
Воды набрать в колодце для ухи,
Как леденцы в ведерке льдинки светятся,
Идешь, читаешь сам себе стихи.
Зима долга и снег хрустит под валенками,
Как кочаны капустные весь день.
Но в эту пору даже самым маленьkim
На лыжах бегать по лесу не лень.
Потом к весне природа поворачивает,
Снег в коробах вывозим со двора,
Руками собственными зиму укорачивая,
На все село смеется детвора.
Апрель придет, как пухлый мальчик розовый,
И каждый воробей кричит: «Жив-вуй!»,
А мы по рощам тянем сок березовый,
Жжем в огородах старую ботву.
Навоз на грядки ташим. Труд окупится:
Еще птенцов не выведет скворец,
Как в каждом доме на столе очутится
Пупырчатый пахучий огурец.

Над костром бились тучами мошки,
 И, брезентовой робой шурша,
 Сыпля в трубку табачные крошки,
 Он рассказывал мне не спеша:
 — В жизни разные случаи были.
 Тайну знаю:
 У этой реки
 На горелой поляне зарыли
 Золотого божка остыки.

Я в глаза ему глянул:
 Как — щели.
 В них зрачки незаметны почти.
 — Неужели же вам, неужели
 Вам его не хотелось найти?

— Эко, парень!
 За жизнь-то немало
 Перерыл я тут даром земли.
 Докопаешься, глядь — и пропало,
 Значит, снова глаза отвели.
 А теперь-то зачем мне на старость?..—
 Он заплакал.
 Спускался туман.
 Ветка треснула, искра промчалась,
 Словно с золотом в чащу шаман.

Ах, не так ли ищу я на свете,
Где зарыт золотой мой божок?
Раз сиянье заметил сквозь ветви,
Но лишь попусту пальцы обжег.

Бахарден

Бесконечно и буйно у глиняных стен
Тех дувалов, которым сто лет,
Бело-розовый цвет расплескал Бахарден,
От цветенья спасения нет.

Так легли лепестки, что, коснутся руки,
Словно чай-то почувствуешь взор.
У дувалов покойно сидят старики
И любуются гребнями гор.

Под бровями косматыми стынут глаза,
Как планеты остывли они.
А когда-то в глазах бушевала гроза
И метались шальные огни.

Это, может быть, горы, а может быть, нет,
Это, может быть, выночный верблюд,
И текинские кони аллюром восслед
В раскаленной пустыне бегут.

И погонщик от ужаса начал икать,
И хорезмская сталь, засверкав,
Вдруг влезает в погонщика по рукоять,
И мокреет халата рукав.

А ночами из шкуры верблюжьей ведро
На веревке из желтой пеньки
Из утробы земли достает серебро.
О, как сладки скучные глотки!

И, тяжелый бурдюк на конягу взвалив,
Запевает в ночи верховой:
— Брови твои, как буква элиф,
И как тополь, стан нежный твой.

В твои косы вплету сорок звонких монет,
На дутаре сыграю тебе,
И в одном нас седле застанет рассвет
По дороге в Геок-Тепе.

А быть может, пред вами кериз, где вода
Потихоньку сочится весь год?
Бай задаром водицы не даст никогда —
Дочерьми иль деньгами берет.
Кетменем хоть всю землю насквозь прокопай —
Каплю влаги и то не найдешь.
Много троп за аулом, но где же тропа,
По которой приходит дождь?

Жены спали. Собаки не подняли лай,
И, глотая кровавую слизь,
С тяжким камнем на шее обрушился бай
В этот самый проклятый кериз.
Только, может, об этом не думали вы?
Может, просто сидите себе,
И доносит до вас голоса из Москвы
Репродуктор на дальнем столбе.
И цветенье плывет, и арыки журчат,
И летит реактивный легко.

Что я вспомню, когда поостынет мой взгляд,
Когда стану, как вы, стариком?
Вы скажите, какой мне сюрприз Бахарден
Приготовил
И что мне несут
Дым мангалов, и трещины глиняных стен,
И с Тер-Башем столетним сосуд?

Но, калачиком ноги сухие свернув,
О дувал оперев батожки,

**Сквозь меня и сквозь весь Бахарден,
Не моргнув,
Непонятно
Глядят старики.**

Арык несет промокшую записку,
С твоей спины бегут шестнадцать кос.
Как зернышки в гранате, будем близко,
Представь, что я навек к тебе прирос.
Не смей глаза заплаканные прятать,
В ауле спят, и ночь темней чернил,
Дай поцелуем губы опечатать,
Чтоб их вовек другой не осквернил.

Восточный слог

Над жаровнями дым. Ветер сладостный с гор.
Посиди со мной рядом чуток.
Знаю я: твое звучное имя Гюльнор
В переводе значит — цветок.
По-восточному, хочешь, начну говорить?
Пересыплю сравненьями речь.
Ты цветок, я желаю садовником быть,
И лелеять тебя, и беречь.
Посмотри, без тебя я, как лук без стрелы,
Как дутар без единой струны.
Кто напиться бы смог из пустой пиалы
Или тропку найти без луны?
Разве то, на груди у тебя, изумруд?
То застывшие слезы мои!
Скажешь слово — от зависти тотчас умрут
В фирузинских садах соловьи.
Превратила ты взглядом вино в кипяток,
Все равно за тебя буду пить.
Если твой поцелуй убивает, как ток,
Ты должна меня нынче убить!

*

Все странно: тени на асфальте улиц
И твой бездумный разговор о том,
Что косы моешь молоком всрблюдиц
И мажешь маслом розовым потом.
И странен поцелуев наших привкус,
Как будто ешь незрелый виноград,
И странен мне в окошке чьем-то фикус,
Когда кругом огромный город-сад.

Глаза нохорок

У Копет-Дагских синих гор
Плынут селенья, как миражи.
Аул Нохор, аул Нохор!
Входить в него мне страшно даже.
Горянки гибки, как лоза,
Горянки вспыльчивы, как порох.
Безбожно синие глаза
У этих смуглых у нохорок!
Сам Македонский Александр
Здесь, говорят, оставил племя.
Глаза их —
Не его ли дар,
Пришедший в наши дни сквозь время?
Быть может, это он сейчас
Там, где лоза горит багрово,
Всей синевою этих глаз
Глядит на пришедшего сурово?

Катится колючка перекати-поле,
Дует оголтелый ветер-суховей,
Горло пересохло, сухо в нем до боли,
Я на солнце таю, я осоловел.

— Ассалам аллейкум! — говорят киргизы,
А глаза, как щелки, а в этих щелках — ночь,
Наливают чашку терпкого кумыса,
Рады хоть немного путнику помочь.

Помню, в небе плыли звезды, как мониста,
Пальцы, как джейраны, бежали в волосах.
Фатима шептала:

— Ну, уgomонись ты,
Что тебе в далеких северных лесах? —
Но без слов сибирских пересохло в горле,
И велит шагать мне через степь тоска.
Перекати-поле, перекати-горе,
Перекати-море. Мчатся облака.

Кто рожден в кибитке, тот живет в кибитке,
Кто в избе родился, тот в нее влюблен.
Осетры мне снятся — золотые слитки,
Гул вечерний слышу темнохвойных крон.
Катится колючка, кругла как планета,
И все больше, больше делается шар.

Много лет катился я по белу свету,
Так в пути и стану я убог и стар.
Катится колючка перекати-поле,
Мне остановиться уж пора, кажись.
Перекати-счастье, перекати-страсти,
Перекати-поле, перекати-жизнь.

Виноград

Вместили виноградины-ледышки
И воздух гор, и лунный свет ночей,
Плеск родников, и грозовые вспышки,
И жар палящих солнечных лучей.
На дно корзины тяжкие, как камни,
Кладет ледышки-градины Айна
И ощущает смуглыми руками
И холод их, и дерзкий жар она.
А под навесом шум и крик гортанный,
Тяжелый пресс скрипит все вновь и вновь,
И пенится в пузатых древних чанах
Из виноградин выжатая кровь.
И воздух полон ароматом тонким,
Давильщик красным вымазал весь рот.
Утерпишь ли, коль сок в тугих бочонках,
Как заточенный бунтовщик, поет?
И в пору засмеяться, как мальчишке,
Когда в тебе и лунный свет ночей,
И родники, и грозовые вспышки,
И жар палящих солнечных лучей.

*

Я эту песню слышал в раннем детстве.
Мне помнится лишь часть ее призыва,
Вернее — лишь конец того призыва,
Чуть слышный и задумчивый, как вздох.
Как по обломку челюсти ученый
Нам возвращает облик мастодонта,
Так я по музыкальному обрывку
Мелодию хочу восстановить.
Втемяшилось, что стоит только вспомнить
Ту песню и пролеть ее тихонько,
То сразу же ко мне придет удача:
Вдруг встречу я того, кого напрасно
Искал все эти годы на земле.
А город весь мелодиями полон,
Транзисторы звучат и радиолы,
И выступают разные ансамбли,
Но все, увы, мелодии не те.
И даже птичка с горсткой ноток в горле
Поет похоже, да не то, что нужно.
Покажется мне: вот оно, я вспомнил!
Но вижу вдруг: не то, не то опять!
Я вслушиваюсь в клавесин капели,
В трезвон ручьев, в чириканье трамваев,
В ночные скрипы в белой лунной роще.
Но сколько, сколько можно вспоминать?!

Матрос

Где ни бегай, ни ползай, ни лазай —
Берегов не минуешь родных.
Подошел катеришко чумазый,
Посопел и устало затих.
Никаких не открыл он Америк,
Отвозил он людей на покос.
Вот с колхозницей сходит на берег
Забубенный парнишка-матрос.
В чахлом сквере — засохшие клумбы
И в сарае — пивной павильон.
Парень сделал заказ и про румбы
Заливает колхознице он.
И девчонке он кажется храбрым,
Удивительным, как Колумб,
Хоть знал он пока только швабры,
Да обтирку, да, может, колун.
С кружек падает хлопьями пена,
От напитка с названием «ерш»
Забубенный хвастун постепенно
Стал совсем на Колумба похож.
Штормовая в речах его яость,
Десять баллов, аврал на борту.
И колхозницы платье, как парус,
Увлекает его в темноту.

Еще одна весна

Совсем иной теперь в округе вид:
Капель стучит, как маленький будильник.
С тоскою баба снежная глядит
В мое окно, на белый холодильник.
Ну-ну... не стоит. Это ваш удел:
Когда пригреет — таять понемножку.
А я в апреле буду не у дел:
В саду не нужно расчищать дорожку,
Лишь снег последний с крыши я спихну,
И вечерами некуда деваться.
А кто-то будет, глядя на луну,
В беседке возле дома целоваться.
Скамейка отшлифована давно,
Немало восседало там влюбленных.
Пойду домой я, дескать, все равно,
Насвистывая нечто отрешенно.
Сниму ботинки, в угол брошу: бац!
А на обоях вдруг запахнут розы,
Как полосатый тигр взревет матрас,
И рукомойник в таз обронит слезы.

*

Часы
у почтовой будки

Часы большие у почтовой будки,
Как ножницы, две черных стрелки там,
Они тихонько сходятся и сутки
Разрежут скоро точно пополам.
Обычно все: дома, трамваев скрежет,
Оград старинных черное литье.
Спешит народ. А стрелка время режет
И чью-то жизнь кладет на острие.

Я впервые у моря. Не увидишь другого здесь берега.
Столько синей воды, словно слезы прошедших веков.
Море бьется в гранит. Целуются пары у скверика,
Там где лавры растут для супов и лавровых венков.
Пахнет йодом и мятой. Я думаю: здесь бы остаться,
Жить в сарае, по пляжу ходить босиком.
Только где взять сарай? Сгущается цивилизация.
Раскладушки везде, тут любым дорожат уголком.
Не хватает на всех волшебства под названием Сочи.,
Не хватает скамеек и всю поизмели траву.
Вот и лавры редеют. Должно быть, под пологом ночи
Молодые поэты тайком с них сдирают листву.
Всем по морю не выдашь, не выделишь всем по
сараю,
И, наверно, любви на земле не хватает на всех.

Ухожу. У причала горят фонари, не сгорая,.
А в ударах прибоя чуть слышатся стоны и смех.

Медведь

Белому медведю нынче жарко,
Зной его томит и клонит в сон.
Целый день в вольере зоопарка
Из бассейна не выходит он.
Но когда сады в вечернем дыме,
Будет он смотреть на облака:
Может, мишке льдинами родными
Кажутся они издалека.
Может быть. Кому медведя жалко?
Кто поймет, каким он видит свет?
Не сумеет сам директор парка,
Хоть окончил зоофакультет.
Ну, а сторож, сумрачный детина,
Выпив малость, будет вновь курить
И ворчать:
— Бездушная скотина,
Не с кем даже тут поговорить...

Кулисы

Замок был из фанеры,
Но выглядел как настоящий,
И лучом голубым —
Декорация вся залита.
Говорил о любви я
У замка Джульетте изящной
И ее целовал, по сценарию,
Прямо в уста.
Я в ладони держал
Сотни нитей к сердцам замеревшего зала,
Но любому спектаклю
Бывает когда-то конец.
Вот и занавес дали.
Джульетта моя убежала:
Ждал у черного хода ее
Хлыщеватый юнец.
Погасил светотехник луну
И большие стеклянные звезды,
И рабочие тащат
Разобранный замок во двор.
Вечер в парке развесил
Светильников белые гроздья.
А картонное сердце
Не сделал еще бутафор.

Зеркала

Лишь прикоснулся — сразу сердце сжалось:
Когда-то, глядя в это вот стекло,
В театр готовясь, мама наряжалась,
И сквозь расческу золото текло.
Видало зеркало мой чубчик и веснушки,
Отца видало с пенным помазком,
Старинной мебели резные завитушки
И дверь с тяжелым кованым крючком.
Те отраженья навсегда уплыли,
Отец погиб, и матери уж нет.
Чужие люди мебель раскупили,
И чуб мой вылез весь с теченьем лет.
Лишь зеркало почти не потускнело,
Наверно, из особого стекла, —
Блестит себе, и что ему за дело,
Какая жизнь с ним рядом протекла?
Но где-то в сердце зеркало иное,
И в нем отец мой вовсе не убит.
В расческе льется золото льняное,
И тихо мебель старая скрипит.

*

В детстве я в сердце озерного края
Встретил Аленушку, синие глазки.
Волны тихонько бежали, играя,
К ней, восседавшей на камне из сказки.
Думал я: вырасту, где-то, наверно,
Снова с Аленушкой встречусь на свете.
Жил хорошо, а порою и скверно.
Все-таки встретил. В городе встретил.
— Помнишь, Аленушка, как ты грустила
Сидя на камне, там, где озера?
— Камнем я к дому подъезд замостила.
Я не Аленушка — Элеонора!..

*

Сорвем оклейку с рамы, как бинты,
Окошко приоткроется, как рана,
И первым почкам удивишься ты
И скажешь в изумлении: «Как рано!»
Ах, черт возьми — успели поседеть,
И с каждою весной — взрослея дочка,
Но не было досуга посидеть
И подглядеть рождение листочка!

*

Я сто раз обошел все окрестные улицы,
И опять я скрипучей тропинкой бреду,
Где под снежными глыбами тополь сутулится,
Да пятно от окошка желтеет в саду.
Желтый свет на снегу, как жарков отражение,
Словно давний наш луг сквозь сугробы пророс.
А в бездонной ночи — снегопада кружение
И завязан дымок над трубой, как вопрос.

*

Что такое гостиница
В северном тихом селенье?
Это — чайник на тумбочке
И рукомойник в углу,
Это — печи-голландки,
И около — груды поленьев,
Раскладушки в проходах,
Гора рюкзаков на полу.
Постояльцы толкуют
Про то, как на пласт напоролись,
Что фонтаном порадовал
Некий нехоженый лог.
А заезжий актер
В коридоре холодном, как полюс,
Регистраторше юной
Читает всю ночь монолог.

...Вновь туда я заехал.
Там двери, как прежде, стучали,
Там из кружки,
Которая к стенке прикована
Цепью, как пес,
Бородатые люди
Свои ордена обмывали
И вели разговоры
Сквозь сизый дымок папирос.
Патефон допотопный
На весь коридор

Растрезвонивал марши
В куржаке все окошки,
В них улицу видно едва.
Регистраторша,
Кажется,
Стала полнее и чуточку старше
И журналом «Театр»
Разжигала в голланцах дрова.

Вот, бывало, минуем предместья,
Выйду в тамбур на ветер степной,
И покажется: еду к невесте
Или, может быть, к жизни иной.
Искры падали и угасали,
Где-то в поле брели огоньки,
И пролеты моста ужасали,
Замелькав над туманом реки.
Там и сям догорали березы,
Это осень наставила вех,
Чтобы я улыбался сквозь слезы,
Чтобы плакал тихонько сквозь смех.

Я самый северный редактор
 В краю, где люди нефть нашли.
 Чихает у окошка трактор.
 Мороз. И факел в нем — вдали.
 Свищу, сую в портфель бумажки.
 Всю ночь не спал, устал, как черт.
 Готов макет многотиражки,
 Пора бежать в аэропорт.
 Загончик в поле. Там у Зины
 Все места требуют чуть свет.
 А вертолет — не из резины.
 Как ни ругайся — места нет!
 Хоть Зина мне давно знакома,
 Да что поделать можно тут?
 Из министерства, из обкома
 И то порой по суткам ждут.
 У всех дела — важнее нету.
 Но вдруг я слышу чей-то бас:
 — Садись, вези набор в газету,
 Напишешь, может, и про нас...

◎

Я в вертолет быстрей влезаю,
 Штиблетом о штиблет стучу,
 Уже почти околеваю,
 Но торжествую: я — лечу!
 Есть в типографии районной
 Тулуп, чтобы приезжим спать.

Станок печатный монотонно
За стенкой будет там стучать.
И ночью мне приснится снова,
Что это вот — стучу я сам
Свои статьи, за словом — слово
Пришипливая к небесам.

*

К реке приник лосенок, словно к вымени,
На травах настоялась в ней вода.
А у реки-то нету даже имени,
В ней сроду не плескались невода.
Без пользы опадают наземь ягоды,
Не слушает никто кедровки песнь.
Деревья возвышаются, как пагоды,
Невесть зачем построенные здесь.
— Зачем я? — вопрошаet галька пестрая.
— Зачем? — крылами блещет стрекоза.
Всю красоту, лежащую здесь верстами,
Ничьи еще не видели глаза.
Валежина с медведем схожа обликом,
А мох под нею, как лисица, рыж.
Порою самолет пройдет за облаком.
Да что в иллюминатор разглядишь?
А сколько красок даром здесь раскидано!
Поляны так пленительно тихи!
Тайга грустит, как девушка на выданье,
К которой не приходят женихи.

*

Трос причальный скрипнул в горькой жалобе,
Захлестнуло жидкий трап толпой.
Ах, как сладко сапоги на палубе
Захрустели бурой скорлупой!
Все вокруг пропахло гарью дизельной,
Нету здесь ни классов, ни кают.
Навалив мешков на пол замызганный,
Мужики про Ермака поют.
Здесь народ простой, непритязательный,
Крепкий и смоленый, как кедрач.
И висит над рубкой круг спасательный,
Как сибирский аржаной калач.

Асин город

На свете есть таежный город Асино,
Среди болот — дремучие дома,
Фигурные наличники, балясины
И около — черемух кутерьма.
Дворы бельем застиранным завешаны,
Толлою окружен пивной ларёк.
Здесь полустанок в честь любимой женщины
Путесц некий некогда нарек.
А кем была та Ася — мы не ведаем,
Не ведаем — какой она была,
В столовке новой весело обедаем,
Вершим свои районные дела.
Но иногда вдруг кто-то скажет: «Асино!» —
И вижу я в черемухах крыльцо,
И тихий полустанок, и прекрасное
Улыбчивое девичье лицо.

Горение

Веселый снег под ветром пенится,
Ударила к вечеру мороз.
К забору в белые поленница
Уложены стволы берез.
Им снится почек набухание
И первый шепоток листвы,
Им снится пряное дыхание
Медвяной северной травы.
Их сон прервется в кухне маленькой,
Где, на припеке встав рядком,
Мечтают просушиться валенки,
Ухват толкует с чугунком.
Дрова трещат. Тепло заметнее,
Береста плещется в дыму,
И что-то светлое и летнее
Вдруг появляется в дому.
Пусть жизнь берез сейчас и кончится,
Пускай они умрут в жару,
Но станет в доме, словно в рощице,
Шумевшей летом на юру.

*

Осинки бакенами красными.
На островке найдя приют,
Про Волгу и про Стеньку Разина
Седые рыбаки поют.
На что-то песней вроде жалуются,
Слеза есть в голосе, в глуби.
Но ведь персидская красавица
Погибла в Волге, не в Оби?
Должно, им Волга вспоминается
Затем, что там была война.
Ах, юность их была красавица,
Почти персидская княжна!
Как было там у Волги-матушки,
Как жег огонь, как шли в штыки,
Не скажут, как не скажут камушки,
Омытые водой реки.
Они не любят словом праздновать
И лишь порой, как подопьют,
Про Волгу и про Стеньку Разина
С надрывом и тоской поют.

*

Если злобный мороз под тулуп залез,
Если плюнешь, так плюнешь комочком льда,
А вокруг только лес, только белый лес,
Сердце екнет недаром в груди тогда.
Сосны стонут. До дна промерз ручеек,
И жучок в нем застыл, словно влез в стекло.
И уже ты не чуешь ни рук, ни ног
И не веришь, что есть на земле тепло.
Вдруг заметишь — средь веток торчит труба,
Чугунок закопченный с пробитым дном.
Ты ликуешь: ведь это ж изба! Судьба!
Все, что было, покажется просто сном.
А проснешься в пору большой луны —
За оконной рамой идет снежок.
Улыбнешься, сунешь ноги в пимы,
Дров наколешь, чтоб после другой их сжег.

Портрет

Гармонисты играли «Прощанье славянки»,
Но, увы, не прощалась со мной ни одна.
Проплыла водокачка. И в ней, словно в замке,
Тусклым светом светилась бойница окна.
На тесовом настене нашел себе место.
А внизу похвалялся мой новый дружок:
— Вот на фотке мамаша, а это — невеста... —
Самокруточным дымом я сердце обжег.
Все в окошко смотрел, поджидал остановку,
До киоска бежал, пятаками звения,
Я купил в том киоске портрет за рублевку,
Доставал и смотрел, вроде — тоже родня.

Отслужил я давно. Путь мой жизненный долг,
И удача в гостях, хоть недолго, была.
Только вот прочитал я недавно некролог:
Умерла та актриса. Уже — умерла.
Умерла, да и все! Мне какая забота?
Я теперь «Беломор», не махорку, курю.
Но опять достаю пожелтевшее фото
И на эту актрису
Смотрю.

Солист

Подмостками была автомашина,
А вместо декораций — юный сад.
Негромко: «Ой, Галина, ой, дивчина!» —
Солист на сцене пел для нас, солдат.
Арык вдали мурлыкал монотонно,
Дурманом пахла южная весна,
Тому певцу на крыльышко погона
Присела величавая луна.
У парня был не очень сильный голос,
Оркестр играл — кто в лес, кто по дрова,
Но у солиста сердце раскололось
На нежные, печальные слова.
Он внес тогда такое в будни наши,
Чего нам не хватало, может быть,
И повар плакал, обещая каши
Солисту завтра больше положить.
Я после слышал много разных арий,
В больших театрах оперных бывал,
Но никогда, как тот курносый парень,
Меня уже никто не взволновал.

Дом на горе

Вот потемнел и в землю врос домишко,
Когда-то здесь кабак держал купец.
А пиво разносил гостям мальчишка,
И это был — мой будущий отец.
Табачный дым плыл полосой туманной,
И граммофон рычал в углу, как зверь,
И, не спеша выплевывая пьяных,
Глотала трезвых торопливо дверь.
И, беготнею вдребезги умаян,
Мальчишка раз под стойкой прикорнул.
К нему тихонько подошел хозяин
И сапогом блестящим в зубы ткнул...

Я помню, как горою Воскресенской
Однажды мы тихонько шли с отцом.
Был Первомай. Веселый день весенний,
Но вдруг отец мой потемнел лицом.
Про этот дом он мне поведал были
И заключил историю свою:
— Хозяина в двадцатом мы прибили.
А пива не люблю. Совсем не пью.

Монумент

Лошади вязнут. В броднях вода.
Топь. Никакой дороги.
Словно с погон офицерских, звезда
С неба летит под ноги.
— Чьи вы? — в посвисте птиц тоска.
— Чьи? Бедняки с урманов,
К городу с нами на Колчака
Движется полк туманов.
Взрывом убитое озерко
Шепчет во след волнами,
Шишек кедровое молоко,
Ветер таежный — с нами.
Вон сухостой, словно вилы, занес
Острые злые ветви.
Красные листья осин, берез
Валятся на рассвете.

Монголки лошади глаз косой
Кровью багрово налит,
Пуля юркой летит осой,
Посторонись — ужалит!
Город. Плюются свинцом дворы.
Грянулся конник оземь.
А на заимке теперь боры
Все расцвела осень:
Белкой на ветку надет грибок,
Ташит мураш хвоинку.
Конник, ладонью сжимая бок,

Видит свою заимку.
Гикают. Мчатся. Руби с плеча!
Не подводи, бердана!
Смяли копытами палача,
Белого капитана.
Старому миру больше не встать,
Миг наступил последний.
Конники мчатся вперед, чтоб стать
Песней, стихом, легендой.
Там, где гнилушки горят одни,
В хмуром логу, на донце,
Будут плотиной бежать огни,
Словно за солнцем солнце.
Всадники мчатся в наш день, сюда,
В город стекла и стали,
Чтобы застыть и сиять всегда
Бронзой на пьедестале.

Памятник бабушке

Стужа иголками стала колоться,
И коромысло примерзло к плечу.
Стукнул бадейкой ворот колодца,
Как патефонную ручку кручу.
Кажется — вот заведу, и польется
Песенка давней забытой поры.
Матово светится лед у колодца,
Черные спят средь сугробов дворы.
Здесь, на окраине, дышится шире,
Запахом хлебным дохнуло в трубу.
Ведра с водицей, как тяжкие гири,
Я заношу потихоньку в избу.
Пляшет смородины листик в кастрюле,
В двери морозный врывается клуб,
Рядом ухват с кочергой прикорнули,
Свежестью пахнет остылый тулуп.
В рамку обрамлены милые лица.
Бабушке было семнадцать тогда.
Как же вам, бабушка, в рощице спится,
Где на опорах гудят провода?
Мало приметен ваш крест деревянный,
Ведь не купчиха, не барыня вы,
Просто до Томска дороженькой санной
В зиму доехали из-под Москвы.
Мыкали горе, детишек растили
И никогда не ругали судьбу,
Как хорошо, что вы все-таки были, —
Миру оставили эту избу.

В печке огонь веселится и пляшет,
Лязгает цепью соседский барбос,
В черном окне моем кружево вяжет
Старый, как мир, седовласый мороз.

Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.
Снега вспоминаю я, снега вспоминаю я
Из детства, из детства, из детства.

Тапер

Немое вспомнилось кино:
Гул нетерпенья в полном зале,
Морщинистое полотно
И дама в черном у рояля.
Опустит пальцы и — гроза,
Вздохнет, и звуки — словно струи,
Когда во весь экран — глаза,
Платаны, море, поцелуй.
Потом окошко полотна
Пустело,
И пустело в зале,
И эта женщина одна
Курила молча у рояля.
Я слышал старших разговор,
Что в жизни ей не пофартило, —
Она лишь из нужды тапер,
Ей нечто большее светило.
А я считал: болтают вздор!
Я сам хотел бы научиться
Всегда с собою, как тапер,
Носить грозу и щебет птицы,
А я хотел бы сам уметь
Одушевлять немые тени,
Как гром греметь, ручьем звенеть
И вызывать в сердцах смятенье.
Спешишь от клуба вдалеке,
Бежишь, ледок весенний давишь,
И нежно тенькает в виске,
Как справа крайняя из клавиш.

Трясла телега. Тихо кони ржали.
Дорога поросла густой травой.
Кузнечики прыжками поражали,
Взмывая над свинцовой головой.
И я заснул, как потонул в колодце,
Проснулся, словно вынырнул со дна.
Пролепетал: «Какое, мама, солнце..» —
А мать сказала, это, мол, луна.
Быть может, обманула, неизвестно,
Но с той поры мне часто снился шар,
Всплывающий в тиши над черным лесом,
Необычайный, страшный, как пожар.

Бакены

Парни за речкой гуляют с гитарой,
Бакенщик слез по обрыву, пыхтя,
Был гитаристом, а нынче вот — старый,
И не рука у него, а кулья.

«Бакен мой белый, бакен мой красный,
Путь капитану укажут в ночи,
Громко об отмели здешней опасной,
Бакен, лучами во мраке кричи.
Если бы в жизни бакены были,
Предупреждали бы вовремя нас,
Мы б свою жизнь по иному проплыли,
Не было б горьких морщинок у глаз.
Бакен мой белый, бакен мой красный!
Если бы снова мне путь повторить,
Я избежал бы мели опасной
И не пришлось бы себя мне корить...»

Парни гуляют, веселы, юны,
Где им теперь разглядеть в темноте,
Что шевельнулись в душе его струны,
Пальцы в его прорастают культе?
Волны к ногам его ластятся с плеском,
Лунная тропка лежит на стреже.
Кажется, он над рекою и лесом
Тихо поднялся и тает уже.

Страницы

Вот провода зарю разлиновали,
И у меня кружилась голова:
Линейки пустовали, призывали,
Чтоб я вписал в огонь свои слова.
Но я не дотянулся до страницы,
Где блики беспокойные горят,
Теперь, как многоточия, синицы
В линейках проводов уселись в ряд.

Женщина

Ночами вешними немало
Я зачеркнул в тетрадях строк,
Ее ничто не волновало:
Ни рифма звучная, ни слог.
Тетрадь листая равнодушно,
Смотрела в темное окно
И говорила:
— Здесь так душно,
А там луна взошла давно... —
И после в сумраке аллеи,
Встречая заблестевший взгляд,
Я шел, ни капли не жалея,
Что променял стихи на сад.
В садовых дебрях ночью поздней,
Во мраке, что темней чернил,
Казалось мне:
И сад, и звезды —
Все для нее я сочинил.

*

Я рад бы выпить был и морса,
Но мой хозяин, дед Егор,
Как хлебосол, принес из орса
В стекле зеленом... разговор.
Степенно, дескать, гость — не шутки,
Дед наливает по сто грамм.
Мы пьем и крякаем, как утки,
И разговор выходит сам:
— Где, как у нас, и рожь и просо?
У нас вода в колодцах — во!
У нас подсолнухи — колеса,
И вообще полно всего.
Наш мед, конечно, прочих слаще,
И много крепче здешний квас,
У нас грибы такие в чаще —
На шляпке можно спать как раз!..

Старуха входит, скрипнув дверью,
Глядит Егору прямо в рот.
Я пью, и слушаю, и верю,
Хоть, может, дед немного врет.

Осенний дождь

Пусто в поле.
Лишь вспашка, что хлеба ковриги,
Да солома у тока желтеет пятном.
Собираешь ты стопкой тетради и книги,
По тропинке шагаешь в окраинный дом.
Свежей краской здесь пахнет,
И топятся печи,
Дряхлый глобус скрипит
В уголке на столе.
Ты в платочек пуховый закутала плечи.
Что-то пальцем рисуешь на мокром стекле.
Хорошо здесь тебе.
Только жалко немножко,
Что твои однокурсники где-то вдали,
Что писать перестал из Тамбова Антошка,
Нет в деревне парней, да и годы ушли.
Ты глядишь, как с березок срываются капли,
И у окон, скрывая невольную дрожь,
Две девчушки, как две голенастые цапли,
Ловят ртами
Сбегающий с желоба
Дождь,

*

И вот опять роняет осень листья.
Желтым-желты в поленницах дрова,
Красным-красны в саду рябины кисти,
Грустным-грустны на лавочках слова.
Как язычок свечи под лютым ветром,
Последний лист угаснет у окна,
И долго, долго будет пахнуть летом
Брезентом принакрытая копна.
В библиотеке и стихи и проза
Начнут на полке таять неспроста:
У нашего у Дедушки Мороза
В шесть месяцев длиною борода.
Когда трещит ночами лед на речке,
Висит село на ниточках дымков,
Родная речь журчит на русской печке
Под шелест выюг и пение сверчков.
До дыр Толстого книги залистают
И Пушкина и Гоголя тома.
И только то на полках там оставят,
Чему помочь не в силах и зима.

Примета

Бросали гривенники в море,
Под шум прибоя, птичий гам,
Мы их бросали, чтобы вскоре
Вернуться к этим берегам.
Монета медленно тонула,
Сверкала искоркой на дне,
А с моря свежестью тянуло,
И мчался глиссер по волне.
Расстанемся, уедем вскоре,
А дни, как спицы в колесе.
Бросают все монеты в море,
Да возвращаются не все.
И ночь была. У парапета
Был теплоход, как глыба льда.
И прямо в море, как монета,
Скользила по небу звезда.
Был тихий смех, был говор нежный.
Как заплатить, какой ценой,
Чтоб я сюда вернулся прежним
И чтоб не стала ты иной?
Но будущее — как в тумане,
Чернели лавры вдалеке,
Ракушки брякали в кармане,
И жегся гривенник в руке.

Ожидание теплохода

На берегу промокший вешний бор,
Присяду на сырой пенек с гитарой,
У яра ходит по бревну топор,
Там обновляют дебаркадер старый.
В поселок путь единственный — река,
На север упливают льдин громады.
С надеждой ждут далекого гудка,
Дверь в нетерпенье разевая, склады.
Там, как в игрушке из папье-маше,
Давно лишь пустота живет немая,
Вот так же пусто у меня в душе,
Я эти склады сердцем понимаю.
Придет, придет желанный теплоход,
И грузчики, швыряясь матюками,
В густой толпе пробьют себе проход
И в склад войдут с тяжелыми тюками.
И будет снег идти иль будет дождь
По улицам бежать на рысих лапах,
Покажется, что среди черных рощ
Бананово-лимонный бродит запах.
И долго будет гомонить народ,
У яра опираясь на штакетник,
По сходне, может, девушка сойдет,
Приладившая ромбик на жакетик.
И будут все глазеть, разинув рты,
Гадая — кто такая и откуда?
В моей душе на месте пустоты
Вдруг шевельнется ощущенье чуда.

*

Этот город—теплый дождик, лестниц серые гармошки—
Нагадали мне гадалки много лет тому назад,
Есть тут тихий переулок, где герань цветет в окошке,
Где за тюлевыми шторами — лукавый чей-то взгляд.
Переулок с пыльным сквером, красной силосною
башней,
Травянистым тротуаром и горластым петухом.
На затылок сдвину шляпу, засвищу побесшабашней:
Я единственным поэтом буду здесь и женихом.
Жил я в Омске, жил я в Томске, раза два бывал
в столице,
Давит груз пережитого мне на плечи, как бревно,
Никаким таким наукам не сумел я научиться,
И не стал я знаменитым, ну да это все равно.
Мне нашептывает дождик, что хорошим будет лето,
Улыбаются сквозь слезы на штакетнике горшки,
И в окошко смотрит кто-то, и в руке моей газета,
И еще, возможно, будут в жизни добрые деньки.

Осенняя музыка

Джаз играет, как вены вскрывает,
И мне кажется — весь я в крови,
По заказу лишь песни бывают,
Не закажешь за трешку любви.
За окном осыпаются листья,
Запотели стаканы с вином.
Ах, джазисты мои, вы джазисты,
Это я там лечу за окном!
А какое тут было цветенье,
Хоть губили его холода.
А теперь за окном запустенье,
Ледяная в канавках вода.
Но ведь было же, было же, было!
Но цвело же, цвело же, цвело!
Голубело, белело, томило,
И прошло, и прошло, и прошло.
Листья, листья в прожилках лиловых
И по ним — перестук каблучков.
А весной будет множество новых
Свежих клейких листков и цветков.
Ах, джазисты мои, вы джазисты,
Разве можно так грустно играть?
За окном осыпаются листья,
Их осталось лишь в кучу собрать.

Грачи

Отлетали метели со свистом.
Землю снова пригрели лучи,
В черных фраках, как будто артисты,
Свежей пахотой бродят грачи.
Были, может быть, в Персии где-то,
Много видели разных чудес,
Но позвало их русское лето,
Наш неяркий и ласковый лес.
И в такой невеликой пичуге
Чувство родины вечно живет,
Через море, песчаные выюги,
Через горы, усталость, недуги
Возвратиться зовет и зовет.

Вечерний дым

Ты сигарету загасила,
А пар над озером, как дым,
Быть молодым меня просила,
А я не буду молодым.
Когда ты радостно свиваешь
На шею рук своих кольцо,
Когда ты что-то напеваешь
И дым пускаешь мне в лицо,
Я думаю о дыме этом,
Печальный дым, вечерний дым,
Я буду, может быть, поэтом,
Куплю избу, возможно, летом,
Но я не буду молодым.
Куда судьба меня носила?
Зачем меня к тебе влечет?
Ты сигарету погасила,
А дым над озером течет.
Он тает, тает, улетает,
И вот, ты видишь, нет его.
Вот так же поцелуй растает
И не оставит ничего.
Так, может, лучше и не надо?
Что унесу с собой чуть свет?
Лишь только вкус твоей помады
И запах модных сигарет.

Пустая деревня

Как тихо в деревне, как странно,
Все снегом заметено.
Не встретится след тебе санный,
В замерзших окошках темно.
Ни стука, ни гама, ни смеха,
Поленница в снежном плену,
В сугробе застяла телега
И целит оглоблей в луну.
Здесь окна крест-накрест забили,
На дверь не навесив замок,
Сундук на крыльце позабыли,
Оставили пряжи комок.
Должно, на центральной усадьбе,
Где в доме и ванна и газ,
Шумят новоселья и свадьбы,
Поют и танцуют сейчас.
А здесь — ни гармошки, ни песни
И «колокол» снят со столба.
Промерзшее бревнышко треснет,
Как будто вздохнула изба.
Она же их в люльках качала
И всех согревала зимой,
С работы и фронта встречала,
И если певали, бывало,
То петь ей хотелось самой.
Но инеем печка покрыта,
И мышь не скребется, шурша,
Забита изба и забыта,

С теплом отлетела душа.
А там, на центральной, гуляют,
Шумят в радиаторах пар,
В электропроводку включают
Новейший эрзацсамовар.
Но там на модерной кровати
Кому-нибудь нынче в ночи
Приснятся изба и палаты,
И русской печи кирпичи.

*

Поленницы за зиму сильно у нас похудели,
На воздух выходишь и дышишь совсем как больной.
Давно ли свистели, с ума нас сводили метели?
Теперь каждый кустик пропах половодьем, весной.
Соседка стирает, и пена в корыте шипит, словно кошка,
Зеленые с золотом мчатся во двор пузыри.
И словно впервые увидел я платье с горошком,
Ее полушалок, в сенях полыхнувший кусочком зари.
И что-то так властно из дома меня поманило,
А небо сияет бездонной такой синевой,
Как будто в корыте соседка его подсинила
И сушит теперь на веревке своей бельевой.

Старый дебаркадер

Гальку чует дебаркадер днищем,
Не одно он в жизни видел судно,
Катера и те по рекам рыщут,
А ему на привязи так трудно.
Теплоход, объехавший полмира,
Подплывет к нему, потрется боком,
Пронесут поклажу пассажиры
И бутылки с помидорным соком.
Дебаркадер мучают вопросы:
Ну, а что там, за речной излукой?
Теплоход вздохнет: одни наносы,
Плаванье ужасной было мукой.
С кнехта в воду плюхается чалка,
Теплоход выходит на фарватер,
Расставаться горестно и жалко,
Чуть скрипит обшивкой дебаркадер.
Как собака к конуре цепочкой,
Так он тросом к берегу прикован,
Теплоход голубоватой точкой
Исчезает за речной подковой.
Пусть бы лучше ветер ураганный,
О подводный камень дно разбито,
Чем всегда смотреть на скверик пьяный
И качаться тихо, как корыто.
Я его за стенки обнимаю,
Краска шелушится, словно кожа,
Я его прекрасно понимаю.
О штормах я сам тоскую тоже.

Бродячая собака

Глядит она недобро,
В глазах ее — тоска,
И выпирают ребра —
Стиральная доска.
Репейники на лапах,
На кончике хвоста.
Какой чудесный запах
Донесся от моста!
Бежит она газоном,
Намокшим от росы,
За тем автофургоном,
Где запах колбасы.
Но вот машина скоро
Запряталась в подъезд...
Железная обжора —
Сама колбасы съест!
А день к закату. Небо
Темней и голубей.
Стянула корку хлеба
У жирных голубей.
В кусты под мост забилась
В вечерние часы,
А ночью ей приснилось,
Что все — из колбасы:
Дома, и мостовая,
И стадион, и сад,
Колбасные трамваи
На улицах звенят.

**И мост висит колбасный
Над мутною рекой.
Был сон ее прекрасным,
Но кратким был покой.**

*

Сидя в бане, мы видим в оконце
Дальний лес и туман на реке,
Словно донышко ковшика, солнце
Потонуло в парном молоке.
Листья к телу поприлипали,
Лавка пахнет сырым сосняком,
Как мы жару ковшом поддавали!
А теперь он наполнен медком.
Хорошо отдыхать неодетым,
Но хозяин мой хмур и устал:
— Ты устроился, слышно, поэтом?
— Не устроился, только мечтал.
— Да... такую-то должность — без блаты...
Я вот целился — кладовщиком... —
Он поник головою кудлатой
И печаль запивает медком.
— Ах, Иван, дорогой мой, Иваныч!
Не грусти, что в чинах не бывал!
Ты с собачьей шубейкою на ночь,
Словно бог, свой займешь сеновал.
Тают в воздухе клевер и мята,
Сны навеет душистая тьма.
Ну, а в складе могла быть растрата,
В результате — и суд, и тюрьма.
А поэтов ругают так часто,
Не дают гонорара почти.
Нет в ответственных должностях счастья,
Получается, как ни крути.

Лихорадит тщеславьем, как хворью,
Только надо бы нам не спеша
Каждый вечер — под хвою, под хвою,
Чтоб умылась закатом душа!
То о должности некой хлопочем,
То себе достаем «Жигули»,
А какие закаты и ночи
Мимо нашего взора прошли!
А какие осыпались росы,
А какие цветы отцвели!
Ты, Иваныч, туши папирису,
Одевайся давай и — пошли! —
Он немного помедлил с ответом,
Свой окурок растер каблуком:
— Все же лучше, чтоб ты — был поэтом,
Ну а я бы — кладовщиком!

Баян

Сколько меня ветры не носили,
Сколько бы сапог не износил,
Много раз еще б прошел Россию,
Если бы еще хватило сил.

Я беру баян, иду до речки,
Где гнездо, как шапка, на суку
И где шишки вербные, как свечки,
И печально слышится: «Ку-ку!» —
Не бывать мне больше на Амуре,
Не уехать в Тынду иль в Сургут.

По баяну, по клавиатуре
Пальцы все уверенней бегут.
Клавиши рыдают и хохочут,
Словно повторяют мне они:
Черные — мои былые ночи,
Белые — мои былые дни.

*

Поутру я иду к лесопилке,
Зябко мне на юру на ветру,
Жесткий рот, словно щель в колилке,
И в углу папироса во рту.
Жизнь мотала меня беспрестанно
По таким вот медвежьим углам,
И я к цели далекой желанной
Пробивался с грехом пополам.
Тополь голый торчит, как рогатка
Здесь мальчишкой воткнутая в снег.
С детства мне приходилось несладко,
Невезучий такой человёк.
Ветер хлопья швыряет. Погодка!
И я вижу у рощи в пруду
Вмерзла в лед позабытая лодка
И два желтых листочка во льду.
Попрошу я у рамщика тесу,
Подлатаю немного избу,
Суну новую в рот папирису
И задумаюсь вновь про судьбу.
Может, жил бы я где-то в столице
И носил бы на пальце портфель,
То сумел бы тому научиться,
Чего я не умею досель?
Там в редакциях есть кулуары,
В ЦДЛ обсуждают дела,
А у нас тут скрипят тротуары
И визжит лесопилки пила,
И завмаг говорит мне ехидно:

—Электричество жжешь до утра,
А стихов-то в печати не видно,
Блажь все это, и бросить пора...—
Ничего не отвечу завмагу,
Объяснить ничего не смогу,
Но возьму карандаш и бумагу
И настольную лампу зажгу.

Снежная пыль

Это было, это было,
Это было и прошло.
Белым снегом заносило
Причулымское село.
И мороз, и ветер шалый,
И огромная луна.
У девчонок из-под шалей —
Всех озер голубизна.
Проглядишь тут все гляделки:
Ну, какая лучше всех?
Посиделки, посиделки!
В угол сядь, грызи орех.
А в передних дышут шубы,
Только сняты с жарких плеч,
А в кладовке шепчут губы
Удивительную речь.
Ах, пахучая кладовка,
Дух рассола, пряных трав!
Ты чертовка, ты колдовка,
Разве в этом я не прав?
Здесь в кладовке хоть полвека
Я б стоял до темноты,
Нынче, верю, вместо снега
С неба падают цветы.
А тебе в избу охота:
От угла и до угла
Там вприсядку ходит кто-то,

Сапоги, как зеркала.
Я пошел запрячь лошадку,
Я забрал тебя в сенях.
Ах как больно, ах как сладко
Рядом быть с тобой в санях!
Пролетаем мимо колка,
Ой, не в дерево бы лбом!
Запрягает русский долго,
Но уж мчится — пыль столбом!
Лунный свет разлит по пашням,
По заснеженным лугам.
Я тебя ревную страшно
К тем блестящим сапогам.
Полно. Мы ли это были?
Где те сани, посвист, ночь?
Круглый столбик снежной пыли
Через память мчится прочь.

*

Какое счастье расчищать снежок,
Поговорить с соседом у колодца,
Найти родник, чтоб губы вам обжег,
Прозрачной тонкой льдинкой уколоться.
Потом сидеть в избушке лесника,
Что забрела в пушистый снег по пояс,
Курить и говорить у камелька,
Лениво, ни о чем не беспокоясь.
Идешь обратно, свежестью дыша,
И на губах твоих снежинка тает,
Пар изо рта струится, как душа,
Что, может быть, на небо отлетает.
Еще мороз. Но дело все ж к весне.
И кажется, что поле пахнет солнцем.
И белый изолятор в вышине
Теперь висит, как чашка кверху донцем.

Точка

Черемуха от инея бела,
Перед крыльцом метелка вмерзла в бочку.
Я глобус взял, на нем поставил точку
И написал название села.
Пускай меня географы простят,
Мы здесь живем, и мы других не хуже,
И в этот вечер вымерзшие лужи
Под сапогами весело хрустят.
Есть в этой точке жаркие сердца,
Свои Ромео и свои Джулетты,
Свои герои и свои поэты
И даже есть свои два подлеца.
Бежит бухгалтер с папочкой в руке,
Взволнованный, ревизии боится.
Ведет мальчишка пса на поводке
И думает про дальнюю границу.
Сосед Иван, печальный инвалид,
Уселся на крылечке магазинном,
Он говорит, что вот нога болит,
Хотя она осталась под Берлином.
Мужчины мерзнут около окна
Палаты, где томятся роженицы.
В ветвях берез запуталась луна,
Свистят у элеватора синицы.
И чей-то хохот около реки,
И кто-то в свой дневник заносит строчку.
Село печет блины и пирожки,
Сжимает, негодяя, кулаки,
Ликует, умирает от тоски.
И это все в мою вместилось точку.

*

Хорошо просохшими проселками
Уходить в приобские леса,
Где тропинки с хвойными иголками,
На ладошах лепестков — роса.
А на дне оврага — лед и сырость,
Я скользжу туда по склону вниз.
Ах, подснежник! Ты из грязи вырос, —
Хрупкая, сияющая жизнь!
Мураши хлопочут, белки скачут,
Солнце лезет по ветвям в зенит.
Золотой смолой деревья плачут,
Бор, как дальний благовест, звенит.
Что заботы, что обиды наши?
Ничего на свете больше нет, —
Есть холмы, озер лесные чаши,
И столбом стоит в чащобе свет.

Купание в дождь

Потемнело в чащобах, и тень на поля набежала,
Словно бог занавесил портьерой большое окно.
И летящая молния — бритвы холодное жало.
Громыхнуло. Сверкнуло. И снова в округе — темно.
А вода, как парная. Я в ней растворяюсь навеки.
А по берегу — топот, народ сиганул от реки.
Кто-то юркнул под стог, под навесы, туда, где телеги.
И корзины надели на головы все грибники.
Это так хорошо! Будет больше маслят и волнишек,
Будет ягода спеть, а в бутонах накопится мед.
Пустьnectаром лохматое небо стреляет из пушек!
Синей бритвой меня в этой речке сегодня убьет!

Старый номер

Сам свидетель, да и то теперь не верится,
Это было в томском цирке до войны,
Выступал там человек — имел два сердца, —
Сердце с левой, сердце — с правой стороны.
Грудь, покрытую седыми волосами,
Каждый зритель мог послушать в стетоскоп.
Дескать, нате вам и убеждайтесь сами:
Сердце слева — хлоп, и справа тоже — хлоп!
Может — правда, может, это ловкий фокус.
Я в пивной потом двусердого видел.
Он кричал, что эта жизнь — такая пакость,
В драку лез и нарывался на скандал.
Он кричал, что обошлись с ним бессердечно,
Что она ушла, а в нем любовь жива.
А двусердому любить трудней, конечно,
Если сердца два, то горя тоже — два.
И когда я остаюсь один под вечер,
Старый цирк я вспоминаю без конца,
И не спится, и дышать мне вроде нечем,
И стучат во мне, бесчисленно, сердца.

Фронтовик

Пусть патефон играет танго,
Гроза гремит за речкой где-то,
Зарницы боя, грохот танков
Ему напоминает это.
И кажется — в дыму лощина,
И залегла в окопах рота,
И даже швейная машина
Строчит, как пулемет из дота.
Умоется. Повесит ковшик.
И боя нет. Не видно роты.
Лишь в свете маленьких окошек —
Старшинских лычек переплеты.

Мед

За баней вдоль большого огорода
Степенно ульи в тишине стоят.
Летают пчелы, как кусочки меда,
Но то летают вместе — мед и яд!
Недаром же лицо, как персиянка,
Прикрыл сосед зажиточный, Иван.
В его руке плывет с дымком жестянка,
Похожая на сказочный кальян.
Прошу медку, а злой Иван хохочет:
— Ну, что же, оголец, иди сюда. —
Тот подойдет, кто сильно меда хочет,
Ну, а ужалит пчелка — не беда.
И вот глаза уж не глаза, а щели,
И вот лицо искусанное жжет,
Но я добрался до заветной цели,
И сладок мне и горек этот мед!
Какая за терпение награда!
Так в первый раз в свои двенадцать лет
Я осознал, что меда нет без яда,
Что без страданий счастья в мире нет.

Памяти брата Юрия

В войну нужда была твоей сестрою.
Тринадцать лет. Вязанка на горбу.
В нетопленном подвале сестры. Трое.
Твой долг нести им лучшую судьбу.
Пути. Вагон. Картошку брать опасно,
Ружье охранник наставляет в грудь.
Он не убил. Потом свалила астма.
А ты хрюпал: «Ну ладно, как-нибудь!»—
Сестер поднял, но стал от хвори черным,
Но к нам, здоровым, ты не ревновал.
Из города уехал и в Подгорном
Тайгой свои недуги врачевал.
Ты жил. Рыбачил. Конопатил лодку,
И песни пел, и сочинял стихи,
И, боль скрывая, бацал ты чечетку,
Гулял, пока не вскрикнут петухи.
Порода наша крепкая была бы,
Но съела годы детские война,
Такие знали мы с тобой ухабы,
Чтоб рассказать — еще бы жизнь нужна.
Я был в Подгорном. Говорят сельчане:
— Ну кто часы починит нам, как он?.. —
И мне казалось — слышу я ночами
Часов, тобою возрожденных, звон.
Когда гремит на речке самоходка,
И дождь шумит, и слышен звон ольхи,
Мне кажется — звучит твоя чечетка,
Неизданные плачутся стихи.

Молоко, топленное в махотке,
Припади, махотку наклони.
Есть еще махра в твоей щепотке,
Сядь в тенек, цигарочку сверни.
Где-то города теперь грохочут,
Где-то пробегают поезда.
Только здесь никто спешить не хочет, —
Ходики сломались навсегда,
Нет календаря, и неизвестно,
День который и который час,
Поутру петух нас будит песней,
Радужными перьями лучась.
Время наблюдают здесь иначе:
Лук подрос, картошка зацвела,
По траве теперь литовка плачет,
По дровам березовым — пила.
Вот дрова в поленницы ложатся,
Вот сметали сено все в стога.
Колос наклонился — время жатве,
А еще зовет к себе тайга.
Думаю, не зря вчера глядела
Бабушка на бор из-под руки,
Я там был: тепло калина рдела,
Паутинка тонкая летела,
Прятались во мхах боровики.

*

Год активного солнца. Такая вот штука.
Что-то взбухнет и брызнет у солнца в котле
И, как в нудных статьях утверждает наука,
Все живое взмолнется вдруг на земле.
Год активного солнца. Тревога! Тревога!
Помещайте сердечников всех в бункера,
А здоровых зовет в неизвестность дорога,
Словно пьяниц вино, шахматистов игра.
Лев ревет, недовольный и пищей и клеткой,
А ведь годы провел здесь, играя мослом,
Тротуар измеряет гаишник рулеткой, —
Баснословно аварий число возросло.
В мире стонет стекло и штакетины плачут,
Злоба, как и любовь, возрастает в сто раз,
Воробы ошалело дерутся и скачут,
Стала очередь в суд, стала очередь в загс.
Это очень опасно и очень тревожно
И бывает лишь раз за одиннадцать лет.
В год активного солнца рождается, возможно,
Где-то возле Иркутска великий поэт.

Белоруссия

Тишина. Деревенька. Покосы.
Здесь гремели бои, говорят.
И не зря на холме, как медсестры,
Все березоньки в белом стоят.
В поле встретится старая каска,
Вон пророс сквозь нее василек.
Это ведь не легенда, не сказка,
Здесь, быть может, отец мой полег.
Сколько боли печальной и острой
Эти рощи и долы таят.
И недаром вокруг, как медсестры,
Все березоньки в белом стоят.

Легенда

Сорванцы были внуки у тети Феклуши,
В сад, бывало, залезут, она не корит.
— Хлопцы, кушайте яблоки, кушайте груши,
Но не дай только бог, кто гнездо разорит.
— А чего?
— А того. Это дело плохое,
Птичка в клюве потом принесет уголек,
Да и в клуне пристроит его под стрехою
Или в бане положит его в уголок.
Уголек-то огнем обернется, ребята,
Вдруг заплещется пламя сильнее зари,
И сгорят у обидчика двор весь и хата,
Ты живи себе мирно и гнезд не зори... —
Внуки яблоки ели и слушали сказки,
День за днем понемножку умнели, росли,
Но однажды рогатые страшные каски
В их село небольшое с рассветом вошли.
Все разрушили хаты, сады порубили,
Очень мало людей в эту пору спаслось.
Шли Феклушины внуки средь зноя и пыли,
Ночевали в канавах, да им не спалось.
Вроде ждали чего-то, на небо глядели
И однажды дождались, с востока вдали
Краснозвездные, грозные птицы летели
И священный огонь в своих клювах несли.

Гармошка
Бронникова

(Рассказ старого томича)

Цветы со всех глядели подоконников,
Пред вывеской стоял в проулке я.
Вверху огнем пылали буквы: «Бронников»,
А в уголке внизу: «и сыновья».
Окно манило мелодичным звоном:
Вот в картузе старинном до бровей —
Сам старый Бронников с фигурным камертоном,
А чуть поодаль — двое сыновей.
Склонились все, над верстаком колдуя,
На лбах сияло влажно, как роса,
И старый Бронников, сквозь планку дуя,
Настраивал, наступая, голоса.
Но хрустнул камертон меж сильных пальцев,
И Бронников скривил беззубый рот:
— Понять хотите? Что ж, сыночки, пяльтесь!
Вот я умру, и мой секрет умрет... —
И умер Бронников. А вывеска осталась,
Ее уж поржавелой помню я,
Она под ветром осенью шаталась,
И чуть в углу светилось: «сыновья».
Не шли сюда богатые клиенты,
И камертон тут не звучал с утра —
По всей Подгорной жили конкуренты,
Гармонных дел большие мастера.
А где-то хромка Бронникова пела
По томским чердакам и кабакам,
Ни дня не довелось ей быть без дела,
Все шла да шла по жизни, по рукам.

В отряд попала к красным партизанам,
А мастер спал в земле, и он не знал,
Что грянула гармошка утром ранним
Во все мехи «Интернационал»!
И Бронниковы-братья в том отряде,
По-своему открывшие секрет,
На битву шли такой планеты ради,
Где есть друзья, а конкурентов нет.

Песня

Отчего это песни мы любим
О летах отмерцавших, иных,
И поем, когда чарку пригубим,
О лихих жеребцах вороных?
И скажите, чего это ради,
Возмущая сердечный покой,
Голос модной «звезды» на эстраде
Вдруг рыдает ямщицкой тоской?
Он пронзает меня, этот голос,
Прожигает, подобно лучу.
Вот медвежью набросил я полость
И сквозь снег, и сквозь время лечу.
Кто-то никнет там к стеклам оконным,
Ахи слышатся с разных сторон.
Бубенцы заливаются звоном,
Или сердца мне слышится звон?
Белый дым за полозьями вьется.
Будь что будет, конец — так конец!
Пусть и сердце сейчас оборвется,
Оборвется, как тот бубенец!

Содержание

Экзамен	5
«Утром дятел стукнул под окошком...»	6
Венера	7
«На речке в зябкой быстрине...»	8
«Березки на бугре, проталины в оврагах...»	9
Речной трамвай	10
«Опять ведет меня дорога...»	11
«Дед в огороде хлопочет...»	12
«Забиты досками домишки...»	13
Девочка с книгой	14
«Я бросил в ведерко последние горсти...»	15
«Помню прошлой весной наподобие Ноя...»	16
«Телогрейка...»	17
Усть-Шиш	18
«С огромной рыжей бородой...»	20
Окно	21
«Она по мостику над речкой...»	22
«На задах в огороде избушка...»	23
Реал	25
Половодье	26
«Морозец первый. Осетров закладывают...»	27
«Над костром бились тучами мошки...»	28
Бахарден	30
«Арык несет промокшую записку...»	33
Восточный слог	34
«Все странно: тени на асфальте улиц...»	35
Глаза нохорок	36
Перекати-поле	37
Виноград	38
«Я эту песню слышал в раннем детстве...»	39
Матрос	40
Еще одна весна	41
«Часы большие у почтовой будки...»	42
«Я впервые у моря...»	43

Медведь	44
Кулисы	45
Зеркала	46
«В детстве я в сердце озерного края...»	47
«Сорвем оклейку с рамы, как бинты...»	48
«Я сто раз обошел все окрестные улицы...»	49
«Что такое гостиница...»	50
«Вот, бывало, минуем предместья...»	52
«Я самый северный редактор...»	53
«К реке проник лосенок, словно к вымени...»	55
«Трос причальный скрипнул в горькой жалобе...»	56
• Асин город	57
Горение	58
«Осинки бакенами красными...»	59
«Если злобный мороз под тулуп залез...»	60
Портрет	61
Солист	62
Дом на горе	63
Монумент	64
Памятник бабушке	66
Тапер	68
Из детства	69
Бакены	70
Страницы	71
Женщина	72
«Я рад бы выпить был и морса...»	73
Осенний дождь	74
«И вот опять роняет осень листья...»	75
Примета	76
Ожидание теплохода	77
«Этот город — теплый дождик...»	78
Осенняя музыка	79
Грачи	80
Вечерний дым	81
Пустая деревня	82
«Поленницы за зиму сильно у нас похудели...»	84
Старый дебаркадер	85
Бродячая собака	86
«Сидя в бане, мы видим в оконце...»	88
Баян	90
«Поутру я иду к лесопилке...»	91
Снежная пыль	93

«Какое счастье расчищать снежок...»	95
Точка	96
«Хорошо просохшими проселками...»	97
Купание в дождь	98
Старый номер	99
Фронтовик	100
Мед	101
Памяти брата Юрия	102
«Молоко, топленное в махотке...»	103
«Год активного солнца...»	104
Белоруссия	105
Легенда	106
Гармошка Бронникова	107
Песня	109

Борис Николаевич Климычев

В ЧАС ЗАРИ

Стихи

Редактор Л. Вьюнник

Художник С. Епифанов

Художественный редактор О. Червецова

Технический редактор Л. Дунаева

Корректоры И. Салькова, Н. Левина

ИБ № 1656. Сдано в набор 03.04.80. Подписано к печати 29.08.80. А011504. Формат 70×90/32. Гарнитура литерат. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 4.1. Уч.-изд. л. 3,18. Тираж 10 000 экз. Заказ 3121. Цена 40 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография

40 коп.

Томский поэт Борис Климчев был буровиком, служил в Советской Армии, работал в газетах. Его биография дала ему многие сюжеты, подробности, которые делают стихи конкретными, зрымыми, достоверными. Кроме автобиографических стихотворений в книгу вошли стихи о трудном военном и послевоенном детстве, о Сибири, о Туркмении. Тонко и точно передает поэт и своеобразие Севера и южный колорит. Все стихи объединяют живописная манера исполнения, четкость и выразительность рисунка.